



Вместе с этим я не могу не сказать и о том, что меня тревожит. У меня возникает такое ощущение, что пора приступать к бурению новых «скважин» на полях деревенской темы, ибо в старых скважинах добыча вроде бы подходит к концу. Возможно, я ошибаюсь. Во всяком случае, глубокое философское осмысление изменяющейся народной жизни на селе необходимо.

Одна из главных задач писателя — ставить диагноз нравственного состояния общества, предвидеть эволюцию в духовной атмосфере времени.

В этой связи я хотел бы сказать несколько слов о проблеме школьного учителя как воспитателя, словесника, проповедника культуры, как основной фигуры в обществе, связующей поколения и формирующей облик юных граждан. Да, такая проблема существует. И не потому, что с учителем в стране что-то неладное, нет, он на месте, он дает образование. Однако образование и воспитание — далеко не одно и то же. Не исключая, разумеется, семью, от учителя зависит, каких нравственных принципов будет придерживаться в будущем человек, что он будет читать, сможет ли ограничиться чтением детективных романов в ранней юности.

Учительство — великая сила страны. Духовный потенциал учительства определяет в нашей жизни очень многое. Истоки знаний, культуры, патриотизма закладываются в сознание детей при непосредственном и повседневном рдении учителя. Но он сейчас сталкивается с такой силой, одолеть которую не так просто.

Дело в том, что повышение жизненного уровня народа имеет и свои диалектические негативные стороны. Надо улучшать жизнь, безусловно. Необходимо, чтобы люди жили обеспеченнее, комфортабельнее, богаче. Не об этом речь. Беспокоит другое. Не случайно, должно быть, у нас говорят издавна: «Велика сытость — велико высокомерие».

Учитель первым принимает на себя этот удар бездуховности; атака мещанства идет здесь изо дня в день, и ему не сдержать ее, если не поднимется на помощь вся культурная общность.

Мы все обязаны помочь поднять профессиональный и социальный престиж школьного учителя, если мы хотим, чтобы воспитателем был учитель с большой буквы, а не случайный человек, не имеющий призвания, тяготящийся ношей педагога...

Но над всеми этими делами и заботами нависает сейчас самая страшная проблема. Никогда и никто еще до сих пор не сталкивался с такой невероятной, немыслимой, невообразимой, угрожающей нам с вами опасностью. Как сохранить мир?

Человечество давно было озабочено концом света и еще на заре самосознания пыталось это предвидеть и даже нарисовать. В Библии — это великий потоп, в других книгах — всевозможные стихийные бедствия.

Но до нас с вами никто и нигде в истории не мог себе представить — и никому такое не приходило в голову, — что конец света может наступить в результате самонстребления, самоуничтожения человеческого рода, накопившего в своем арсенале смертоносные средства космического объема.

Художнику наших дней предстоит проповедовать и внушать человеку мысль о необходимости чувствовать, думать, понимать другого, как себя, обращаться ко всему свету, доходить словом до каждого сердца.

Только при этом условии можно надеяться, что человек избежит эмоционального оскудения, избежит озверения, избежит технического дикрарства и не посмеет нажать ту самую ядерную кнопку, к которой подключены все жизни.

Мир замер в ожидании. Мир поднимается, как грозная, вскипающая океанская волна, но тем временем сигналы тревоги, превращаясь, к сожалению, в риторику привычных, повседневных ситуаций, скользят по сознанию людей, заставляя их насторожиться лишь на мгновение, ибо их жизнь, дела, семья, повседневные заботы и быт ждут их.

Человеку свойственно жить сиомикутуй жизнью. Литература и искусство призваны сохранить великие идеи гуманизма, перевести их из глобального в личный план, чтобы каждый человек был озабочен проблемами мира, как своими собственными.

Это наша миссия, это наша задача, это дело всех деятелей литературы и искусства, и в первую очередь — советских художников, ибо предпосылка социализма заключается в том, чтобы найти гармонию всеобщего благосостояния и счастья и удовлетворение потребностей и права на счастье каждого человека.

Это наш девиз, и я думаю, что мы будем его свято придерживаться. (Аплодисменты).

На днях я прочитал книгу одного ученого о долготелии. Книга эта захватила меня много сильнее любого бестселлера. И я подумал: вот как надо писать, чтобы читатель увидел в твоём сочинении нечто жизненно необходимое для себя, чтобы не мог оторваться до заключительной строки, сожалел, что книга кончилась, и долго еще думал потом о прочитанном.

Так чем же увлекла и потрясла меня эта научная вещь? Поэзией философии! И хотя я далек от мысли сравнивать такую книгу с произведением художественной литературы, — это совершенно различные стихии, — но есть одно великое свойство, точнее говоря, преимущество искусства. Подлинное творение искусства не заканчивается на последней странице, не исчерпывает повествования с окончанием истории героев, оно переселяется в душу и сознание читателя, продолжает жить и воздействовать как внутренняя сила, как мука и свет неумирающей совести, как поэзия правды, которая заключает в себе отнюдь не безоблачное, прекраснотушное восприятие мира, а страдание, мужество преодоления трагедии.

Памятуя об этом, снова и снова сверяя свои наблюдения с реальностью, с делами, с идеями, провозглашенными социализмом, и воплощением их в действительности, спрашиваешь себя: как мы живем, куда мы движемся, что ждет нас завтра, как быть полезным людям в их устремленности создать наиболее справедливую, наиболее умную и красивую жизнь на земле?

И только в том случае, если художник выступает не просто как зарисовщик быта, но и как гражданин, как судья, ответчик и пророк одновременно, возникает заключенный в лицах и действиях опыт времени — на долгий срок, для многих поколений. Такой для нас Толстой, таковы Достоевский, Горький, Шолохов. И, смею думать, только так, развивая и обновляя основу художественных традиций, не отступая ни на шаг от революционных идей, — ибо мы возвестили новую эру и несем за это ответственность, — мы могли бы удовлетворить духовные запросы современного человека.

Пишущих много. Верно и то, что все мы исходим из благих намерений. Но далеко не все из напечатанного имеет отношение к настоящей литературе. Актуальность замысла, важность темы не могут сами по себе быть исковой самоценностью, ради которой стоило бы писать книгу. И об этом надо говорить прямо, не выдавая мнимое за настоящее.

Предмет искусства — не тема, затвержденная в графическом плане мероприятия, а острее проблемы бытия, противоречия и конфликты эпохи, система отношений личности и общества и вытекающие отсюда судьбы, истории, образы, поступки людей.

Человек хочет знать о себе правду. Подчас, возможно, и горькую, ибо, устремленный к идеалу, он хотел бы знать и то, с чем извечно борется человеческий дух в самом себе. А это можно передать лишь средствами подлинного реализма.

Скажу о «деревенской прозе», и вот в каком плане. Так называемую деревенскую прозу, которой критика так и не сумела найти лучшего определения, обвиняли во всех смертных грехах, в том числе и в ностальгии по патриархальному быту, в ограниченности, противопоставлениях городу и прочее и прочее. Но теперь ясно, что такого рода проза в лучших ее образцах была вызвана в литературе жизненной необходимостью откликнуться на драматические события, переживаемые послевоенной деревней, необходимостью сохранить и, более того, восстановить в новом качестве, в новых исторических условиях те духовные, нравственные, этические, трудовые традиции и ценности, которые подверглись испытанию временем.

Под пером прекрасной плеяды ныне действующих писателей «деревенская проза» возросла до эстетической и исторической общезначимости, и в том, должно быть, магия искусства, что эта волна определила один из магистральных путей развития современной литературы, обозначила новый уровень реализма, партийности и народности творчества в подлинном смысле этих слов.